

Авксентьев Николай Дмитриевич

Большевистский переворот

Предисловие

*(Составитель публикации в журнале *Отечественная история* - Васильева Т. А.)*

Впервые публикуемые воспоминания Николая Дмитриевича Авксентьева (1878--1943), видного деятеля эсеровской партии, члена ее Центрального комитета, хранятся в одном из фондов-коллекций разрозненных материалов прежде закрытого для исследователей Центрального государственного архива СССР, материалы которого все больше и больше привлекают внимание советских и зарубежных исследователей. Эта рукопись представляет собой небольшую тетрадь с недатированными, не всегда разборчивыми карандашными записями и озаглавлена автором "Большевистский переворот".

Воспоминания посвящены предоктябрьским событиям в России, написаны они в первые годы эмиграции Авксентьева. Авторство рукописи установлено в результате изучения текста и сопоставления почерка автора с автографами Авксентьева, хранящимися в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. В частности, совпадает почерк автора рукописи с его письмами к товарищам по партии И. И. Фундаминскому за 1909--1910 гг. и И. М. Брушвиту от 18 января 1928 г.¹

Изложение событий ведется от первого лица, автор указывает на свое председательство в Исполнительном комитете Всероссийского Совета крестьянских депутатов и упоминает фамилию, говоря об оценке Исполкома Совета, данной большевиками, -- "авксентьевские молодцы".

В предоктябрьский и послеоктябрьский период Авксентьев -- один из активных участников общественно-политической жизни страны. После Февральской революции 1917 г. -- председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел Временного правительства (июль--сентябрь), позднее -- председатель Временного совета (Предпарламента) Российской Республики. Как председатель Предпарламента Авксентьев пытался противопоставить надвигающемуся кризису объединенные усилия неокрепшей российской демократии. После Октября он один из организаторов борьбы с советской властью. В 1918 г. был председателем так называемой Уфимской дирекtorии, нового Всероссийского Временного правительства, после его распуска, уже в эмиграции -- активный идеолог антибольшевизма.

В предлагаемых воспоминаниях Авксентьева, не опубликованных им и в эмигрантской зарубежной литературе², есть много фактов, оценок, наблюдений, характеристик действовавших лиц самого драматичного и поворотного периода русской истории -- между Февралем и Октябрем 1917 г. Они заслуживают внимания прежде всего тем, что принадлежат перу не только очевидца событий, а активного и деятельного их участника. Авксентьев был не только лидером одной из ведущих политических партий, но и государственным деятелем, стремившимся

консолидировать демократические силы перед угрозой большевистского переворота.

В своих воспоминаниях Авксентьев старается объективно оценить причины роста и влияния большевистской пропаганды на советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, расстановку сил на Демократическом совещании, позицию своего постоянного оппонента и критика В. М. Чернова, представлявшего "левый центр" эсеровской партии, поведение выступавшего от имени большевиков Л. Д. Троцкого. Интересны приведенные Авксентьевым факты об открытии Предпарламента и его замечания о выступлениях А. Ф. Керенского, М. С. Аджемова, Л. Д. Троцкого, М. И. Терещенко, П. Я. Милюкова, П. Б. Струве, Ф. И. Dana, B. M. Чернова, его попытки как председателя объединить демократические элементы и построить деятельность Временного совета Республики по образцу западноевропейского парламентаризма.

Обладая, по словам М. В. Вишняка, редактора "Современных записок", соратника Авксентьева по партии, острым аналитическим умом, безукоризненной логикой, превосходной памятью³, Н. Д. Авксентьев в своих воспоминаниях сделал одну из первых попыток анализа предоктябрьских событий.

Неразобранные слова в тексте отмечены знаком (одно слово), (два и более слов).
Публикация подготовлена заведующей отделом ЦГОА Т. А. Васильевой.

Примечания к предисловию

¹ ЦГАОР, ф. 6212, он. 1, д. 64, л. 2--5; ф. 5789, он. 1, д. 4, л. 1, 5.

² Как известно, Авксентьев активно сотрудничал в "Современных записках" -- общественно-

политическом и литературном журнале, издававшемся русской эмиграцией в Париже. Находясь в эмиграции с конца 1918 г. и вплоть до своей смерти в 1943 г. он опубликовал в этом журнале 11 статей и 5 рецензий. См.: Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920--1980. Сводный указатель статей. Париж, 1988; а также Вишняк М. В. "Современные записки". Воспоминания редактора. Изд. Индианского ун-та (США), 1957. Вышеуказанные статьи Авксентьева и по названию, и по содержанию не имеют какого-либо отношения к публикуемому оригиналу.

³ Вишняк М. В. Указ. соч. С. 64.

+++

С самого начала октября чувствовалось, что большевизм растет, что рабочие массы и солдаты все более проникаются психологией большевизма и что свободному государству и демократии грозит немалая опасность. Этот стихийный рост большевизма был вполне понятен. Вся проповедь большевиков была построена на самой низкой демагогии, на внушении массам мысли, что теперь все дозволено, на игре на наиболее элементарных и эгоистических стремлениях масс. Конечно, в этой проповеди не было ни грана ни государственности, ни социализма, ни вообще какой-либо творческой идеи.

В то время, как представители социалистической и радикальной демократии пытались воспитать освободившийся народ в сознании долга перед самим собою и историей, большевики стремились разрушить былые понятия долга и созидания. "Теперь свободный, ты стал хозяином своей жизни", говорили представители демократии, "покажи себя достойным этого хозяйственного положения. Ты свободен.

Но свобода не есть произвол. И достоинство свободного есть созидание новых форм жизни, есть защита и построение государственности.

Царизм оставил наше отечество полуразрушенным. Нужно многое восстанавливать с великими жертвами граждан. Умей жертвовать и совершать подвиг не из-под палки, не по приказанию, а по собственному свободному решению. Эпоха требует от тебя и на фронте и внутри страны свободного самопожертвования. Подымись до сознания необходимости этого". Как говорили большевики: "Ты свободен. Ну и делай, что хочешь. Война -- зло. Ты устал, ты не хочешь воевать. Иди домой. Отказывайся повиноваться тем, которые принуждают тебя к борьбе. Ты беден. Так "грабь награбленное", бери все, что хочешь, не спрашиваясь ни с общим законом, ни с правом, ни с историческими условиями, ибо ты хозяин. Кроме твоего желания ничего не может существовать". Постепенно эта проповедь разворачивала массу, ибо она толкала ее не кциальному, а к непосредственно желательному. Она вела ее по линии насильтственного сопротивления. Она говорила не об обязательствах, а об аппетитах. И масса, слишком мало воспитанная в свободной морали и политике, не задумывающаяся над тем, что же из этого выйдет для будущего, для грядущих поколений, бросалась на обещания сегодняшнего дня, шла за проповедью удовлетворения сегодняшнего аппетита своего.

Советы рабочих и солдатских депутатов, бывшие вначале опорой решений здоровой социалистической и радикальной демократии, ставившие себе общенациональные задачи, мало-помалу подпадали под влияние большевистской проповеди. Это чрезвычайно беспокоило представителей демократии и у них появилась мысль расширить демократическую базу, на которой могла бы строиться новая государственность. Вместе с тем они надеялись, расширяя базу, тем самым подчинить начавшие разлагаться под влиянием большевистской проповеди солдатские и рабочие слои дисциплиной более широких слоев демократии.

На этом основании наметившееся еще в июле -- августе соединение ЦИК Советов солдатских и рабочих депутатов и ЦИК Всероссийского] Совета крестьянских депутатов стало еще более тесным и неразрывным. И все наиболее важные и принципиальные решения принимались этими обоими Центральными исполнительными комитетами сообща.

Чтобы сделать понятным такое стремление слить эти два учреждения надо сказать, что Исполнительный] комитет Всероссийского] совета крестьянских депутатов под моим председательством вел все время совершенно определенную антибольшевистскую, патриотическую миссию. С самого начала в Исполнительном] комитете среди 250 его членов были 2--3 большевистствующих члена, которые не только не играли никакой роли, но боялись даже раскрыть рот на общих собраниях, чувствуя себя заранее уничтоженными. Это настроение Исполнительного комитета ВСКД (Всероссийского Совета крестьянских депутатов), несмотря на все стремления большевиков распространять его членов, до такой степени разозлило их, что они прозвали даже этот Исполнительный комитет "авксентьевскими молодцами" и обвинили их в "черносотенстве". Распускали слухи, что в ИК нет настоящих крестьян, а собрались в качестве представителей крестьянства кулаки, бывшие полицейские и попы. Но ничто им не помогло. Очень часто, когда надо было принимать какое-либо ответственное решение по внезапно внесенному в Совет раб[очих] и солд[атских] депутатов предложению большевиков, экстренно из Таврического дворца или позже из Смольного института, где заседал ИК Советов раб[очих] и солд[атских] депутатов, сообщали нам в ИК Веер [оссийского] Сов[ета] кр[естьянских] деп[утатов], помещавшийся на Фонтанке в доме Училища правоведения; наши "молодцы" являлись на собрание и своими речами и голосованием определяли

линию поведения демократии. Но последнее время перед большевистским переворотом и в Сов[ете] кр[естьянских] депутатов стало менее благополучно. Правда, большевики по-прежнему блестяще отсутствовали, правда, громадное большинство было наше, но из провинции начали притекать депутаты, принадлежавшие к партии т. н. левых социалистов-революционеров, ближайших сотрудников и рабских подражателей большевиков.

И вот, чтобы еще более расширить демократическую базу и локализовать влияние большевиков, остановились на мысли созвать так называемое Демократическое совещание. Инициатива должна была исходить из Совета кр[естьянских], раб[очих] и солд[атских] депутатов, а приглашения должны были быть подписаны двумя председателями: Чхеидзе¹ [председатель Совета солдатских и рабочих депутатов] и мною [председатель Совета крестьянских депутатов]. Но по мысли устроителей представители Советов на этом совещании должны были составлять лишь меньшинство. Большинство же составлялось из представителей демократических городских и земских самоуправлений, кооперативов, профессиональных союзов, демократических представителей свободных профессий, национальностей и т. д.

Демократическое совещание собралось в конце сентября в Петрограде в Александровском театре. Главным вопросом, который стоял перед ним, был вопрос о конструкции власти, об отношении демократии к другим несоциалистическим, но отстаивающим политические свободы слоям населения к промышленникам, партии кадетов и другим. Вместе с этим был поднят вопрос и о программе, которую должна осуществлять власть.

Здесь сразу же [намечаются] два крайних решения, между которыми балансирует небольшая группа, старавшаяся найти какое-то свое решение, а в сущности, не дававшая никакого и только мешавшей делу. Одна группа, к которой принадлежали такие лица, как Чхеидзе, Гоц², Церетели³, Руднев⁴, я и др., стояла на прежней позиции: необходимо, говорили они, создать коалиционное правительство из всех живых сил страны, которые осуществляли бы общедемократическую программу. В данный тяжелый момент необходимо величайшее напряжение всех сил страны, необходимо противопоставить внутренней разрухе и внешнему врагу сильный, прочный фронт.

Другая группа, которая состояла из большевиков и идущих за ними левых социалистов-революционеров, провозглашала в качестве лозунга: вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Только они должны править. Все остальные слои, в особенности слои либеральной и радикальной буржуазии, должны быть устраниены от власти. В своих речах они, провозглашая свой лозунг, готовы были идти на компромисс, они говорили: "Согласитесь построить правительство однородного состава, т. е. только социалистического, и мы этим удовлетворимся. Мы сами не войдем в это правительство, но мы окажем вам всяческую поддержку".

Разумеется, первая группа не могла принять этого компромисса по двум соображениям: во-первых, потому, что он противоречил основной точке зрения об объединении всех живых сил страны, а во-вторых, потому, что совершенно не верила в поддержку и добрые чувства большевиков [последующее показало, что это недоверие было совершенно справедливо]. **

Группа, руководимая Черновым⁵, после шатаний и [колебаний], столь свойственных этому человеку, пожалуй, политику, занятому политиканством, который за все время революции не сумел выставить ни одного яркого лозунга, который показал себя неспособным политиком и средним политиканом, останавливается на таком решении. Она не против коалиции с несоциалистическими и даже либерально-буржуазными элементами, но против

коалиции в правительстве с представителями партии народной свободы. Когда эту группу спрашивали, кто же эти прекрасные незнакомцы, представители буржуазии, или она исключает из коалиции единственную большую политическую партию радикальной буржуазии -- кадетов, с недоразумением отвечали, что это могут быть кооператоры, промышленники и т. д.

Напрасно этой группе указывали, что в ее решении нет ровно никакой политической линии, что это вообще нелепое, нереальное решение, ибо кооператоры также социалисты, промышленники -- принадлежат к партии кадетов, да и те, какие не принадлежат к ней, много раз заявляли, что без представителей этой партии они в правительство не войдут. Напрасно говорили им, что их решение равносильно коалиции, что честнее и проще высказаться подобно большевикам против коалиции разнородного правительства, эта группа стояла на своем.

Я уверен, что в этой политической жалкой позиции Чернова немалую роль (как и вообще в его поведении) играет личный элемент. Его речи только отвечали все подстать элементу, с ним не хотели иметь дела. Если бы Чернов был в правительстве, ни один кадет не вошел бы в это правительство. Их присутствие там значило его отсутствие. И в ответ на это Чернов, мечтавший снова о министерском кресле, отвергал их, упрямо закрывал глаза на нелепость своей позиции.

В конце концов эта группа и сам Чернов со своей "позицией" сделались предметом юмористических шуток и насмешек на Демократическом совещании и серьезно к ним не относился никто из противников.

Этот элемент смешного в их позиции усилился еще более тогда, когда при окончательном голосовании вся группа, и ее лидер воздержались подать свой голос за то или другое определенное решение и в наиболее решительный, поворотный момент русской истории оказались в политических [банкротах]. Серьезная борьба происходила между первыми двумя течениями. От победы того или другого зависела дальнейшая конструкция правительства. После корниловской истории⁶ многие портфели были не заняты и оставшиеся министры с нетерпением ждали открытия Демократического совещания. Керенский⁷ выступил один раз на этом совещании. Но чрезвычайно нервничал, был неровен, не уверен в себе и не произвел большого впечатления. Его приветствовали, но чувствовалось, что прежний энтузиазм уже отлетел.

Атмосфера была напряженная. Большевики вели себя вызывающе. На одном из заседаний при моем председательствовании Церетели упрекнул некоторых большевистских лидеров в неверном изложении фактов, сказав шутя, что теперь он будет беседовать с ними в присутствии нотариуса и двух писцов. Этого было достаточно, чтобы они подняли шум и ушли с заседания, заявив, что больше не вернутся, правда, они потом переменили гнев на милость, но пользовались каждым случаем, чтобы устраивать демонстрации. За ними послушно шли и левые [социалисты-революционеры]. Иногда в зале поднимался такой шум, что президиуму приходилось напрягать все силы, чтобы восстановить порядок.

В конце концов победила точка зрения сторонников коалиции. Большевики и их сторонники остались в меньшинстве. Но это голосование показало, что единство демократических слоев утеряно. Всегда, как раньше, все решения принимались громадным, подавляющим большинством. Конечно, всегда были голосовавшие против, но они потонули в общей массе голосов. Чувствовалось существование большого, солидного блока, который сумеет своим моральным и политическим весом заставить слушать себя и повиноваться себе. Не то было здесь. Подавляемое меньшинство было весьма значительное; оно вело себя [вызывающе] и отнюдь не думало подчиниться добровольно большинству. Было ясно, что и впереди предстоит серьезная и напряженная борьба за государственность и против

[династии]. Кроме решения снова построить власть на коалиционных началах было принято и другое: выделить из состава Демократического совещания⁸ около 200–250 человек для того, чтобы они, пополнившись буржуазными элементами в половинном количестве, составили постоянное представительное учреждение, которое бы, нося юридический, быть может, а не законодательный характер, фактически определяло бы своим вотумом политику правительства и давало ему в нужных случаях необходимую морально-политическую поддержку. Эти 250 человек были избраны пропорционально представительству партий на Демократическом совещании и оно было закрыто.

Но теперь должна снова начаться новая тяжелая работа. Необходимо было осуществить в жизни решение Демократического совещания о коалиционном характере правительства. Необходимо было сговориться с буржуазией.

Я уже упоминал, что Демократическое совещание постановило, чтобы образуемая коалиция проводила определенную демократическую программу, включавшую в себя и широкие социальные реформы в области аграрных и индустриальных отношений. Необходимо было сговориться по этому поводу с представителями буржуазии и затем результаты сговора снова представить на утверждение тех 250 человек, которых, в качестве постоянных представителей, выставило Демократическое совещание.

Для переговоров со стороны демократии были избраны Чхеидзе, Беркенгейм⁹, Душечкин, Церетели, Руднев и я; со стороны партии кадетов и буржуазии Потапов, Ефремов¹⁰, Кишкун¹¹, Коновалов¹² [Куприянов].

Кроме того, присутствовали оставшиеся члены функционировавшего Временного правительства -- Керенский, Терещенко и др. Переговоры происходили в Зимнем дворце. Обсуждению подверглась та программа, которая была вотирована Демократическим совещанием. Я помню впечатление, которое на меня производили эти переговоры. В сущности, и та, и другая сторона понимали, что объединение необходимо, что Россия гибнет, и без напряжения всех сил, без создания единого фронта -- спасение невозможно. И в то же время вели бесконечные споры по поводу той или иной формулы. Представители демократии чувствовали себя там в плену у тех формул, которые стали отождествляться в глазах народа с демократизмом, они сами чувствовали, что при данном положении вещей та или иная формула не имеет реального значения, она не может быть даже претворена в жизнь. Но они также хорошо чувствовали, что стоит им во имя реальной политики отказаться от этой формулы, когда там за стенами Зимнего дворца, та демократическая масса, которую они призваны вести, подогреваемая большевистской проповедью, сочтет это величайшей изменой делу свободы, сочтет сдачей, капитуляцией перед буржуазией.

С другой стороны, представители буржуазии, понимая все это, понимая, что некоторых формул нельзя касаться, в то же время часто тоже выступали догматически и переговоры, взаимные схватки, словесные фехтования, подыскивание новых грамматических формулировок тянулись до бесконечности. Переживалось какое-то большое и трагическое противоречие между бурным, не ждущим ни минуты перерыва потоком речей и какими-то кабинетными спорами здесь, в Зимнем дворце, спорами, лишенными часто большого реального смысла.

Переговоры длились три дня. Объявлялись небольшие перерывы. И мы, демократическая часть совещания в Зимнем дворце, спешили в какой-то маленький грузинский ресторанчик на Невском проспекте, где Чхеидзе после таинственных и непонятных для нас переговоров со своими компатриотами, предлагал нам восточные деликатесы. А потом после часа-полутура отдыха -- снова Зимний дворец, снова споры и часто взаимные попреки прошлым.

Особенные споры вызывали два пункта: формулировка аграрной политики и компетенция будущего представительного органа, который должен будет образоваться из 250 человек, выделенных Демократическим совещанием, и присоединением половины от числа цензовых элементов.

По первому пункту представители демократии настаивали, что должна быть даже более четкая формулировка использования земель в интересах трудового населения, представители же цензовых элементов трактовали этот вопрос более общо.

Надо признать, что этот спор и искание компромиссной формулировки не столько диктовались реальной потребностью момента, сколько необходимостью, как я уже говорил, представить на утверждение демократии освященную традицией формулу, чтобы доказать, что представители ее не изменили своей позиции. Нужно признать, что очень часто масса находилась в пленау фразы, у формулы, а итоги в этом отношении находились в пленау у массы. Я сказал, что та или иная формулировка в тот момент была практически довольно несущественна, хотя я придавал и придаю первостепенное значение тому или иному решению аграрного вопроса в России. Для меня правильное решение его предопределил собою и правильное здоровое хозяйственное и общественное развитие России. Но не надо забывать, что все эти разговоры велись в конце сентября -- начале октября, а 9-го ноября должны были происходить уже выборы в Учредительное собрание. Того срока, который оставался до Учредительного собрания, все равно было недостаточно, чтобы провести какую-либо фундаментальную аграрную реформу. Да, кроме того, все партии сходились на том, что решение этого вопроса должно быть предоставлено Учредительному собранию. И однако во имя успокоения демократических слоев, во имя обезвреживания большевистской пропаганды приходилось без большого внутреннего убеждения настаивать именно на такой, а не иной формуле.

Что касается второго пункта, т. е. компетенции представительного органа, то здесь такими же схоластами, какими оказывались демократические представители по первому вопросу, были "цензовики". В самом деле, всем было ясно, что какими бы формальными правами не обладало будущее представительное собрание, фактически оно будет определять и политику правительства, и его устойчивость. Ведь иной опоры у правительства не было. Недаром остатки Временного правительства, существовавшие после ликвидации корниловского выступления, не пополнялись, правительство не конструировалось, т. к. Керенский и другие оставшиеся монгикане ждали результатов Демократического совещания. И всем -- и демократии, и цензовикам было совершенно ясно, что будет такое правительство, какое решит Демократическое совещание. Выскажется оно за коалицию -- будет коалиция, выскажется за однородную социалистическую власть -- будет власть однородно-социалистическая.

И тем не менее, исходя из формальных соображений, представители буржуазии говорили, что вновь создаваемое представительное учреждение должно быть лишь законосовещательным, а не законодательным; оно может задавать правительству вопросы, но отнюдь не пользоваться правом запроса. Напрасно мы указывали им, что это схоластика, и схоластика в данных условиях вредная, ибо чем более мы умалим значение будущего представительного органа, тем больше мы ослабим опору правительства и поднимем значение Советов. Чем более мы сузим компетенцию нового органа, тем более будет на него нападок. Тем более пренебрежение будут стараться воспитывать к нему в массах большевики. Недаром уже было пущено крылатое словцо, что правые элементы демократии дошли до того, что создают царско-булыгинскую законосовещательную Думу. Наши

аргументы были тщетны и представители партий кадетов и промышленников стояли на своем. И мы должны были уступить.

Наконец переговоры в Зимнем дворце были закончены. Была утверждена программа будущего коалиционного правительства, был установлен законосовещательный характер представительного учреждения и было решено, что остальные министры входят в правительство не как представители той или иной партии, а индивидуально.

Теперь для нас оставался еще один этап, быть может, наиболее трудный: провести пункты соглашения и заставить принять их в собрании тех 250 демократических членов будущего представительного органа, которых выделило Демократическое совещание и которым передало всю свою компетенцию. Стоило им отвергнуть наше соглашение -- и вся та работа построения правительства, которую мы проделали, оказалась бы бесполезной.

Заседание было назначено вечером в Александровском замке Петроградской городской Думы. Сначала должен был быть отчет о наших переговорах, а затем партийные фракции должны были удалиться на совещание по поводу прослушанного и выработать свое мнение. Неуверенность в результате царила большая, ибо, с одной стороны, большевики и левые с[оциалисты]-р[еволюционеры], а с другой -- группа социалистов] -революционеров] во главе с Черновым должны были голосовать против. Если к ним присоединятся колеблющиеся, то исход голосования мог быть неожиданным результатом. Все мобилизовали свои силы и готовились к бою.

Отчет, данный Церетели, был выслушан сдержанно. Церетели устал и говорил больше по обязанности, чем со всем пылом убеждения. Затем был объявлен перерыв и начались заседания фракций. Наиболее важным было решение нашей фракции -- фракции партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], т. к. мы были в большинстве, и от того или иного нашего решения зависел в значительной мере исход голосования.

На собрание фракции явились и левые социалисты-революционеры, не исключенные еще в то время официально из партии. Это сделало еще более сомнительным решение фракции. Было ясно, что в этом вопросе Чернов почти целиком будет на их стороне.

Я, бывший докладчиком во фракции и отстаивающий необходимость соглашения с цензовыми элементами, поднял прежде всего вопрос о дисциплине фракции. То, что решение большинства должно быть обязательным для членов фракции и несогласные в крайнем случае могут лишь воздержаться. Чернов, рассчитывая иметь большинство, но все же опасаясь остаться в меньшинстве, предложил этот вопрос решить после голосования по существу. Но я заявил, что мы заранее должны знать, с кем имеем большинство и какова обязательность наших решений, ибо иначе не стоит и решать что-либо, и потребовал предварительного решения вопроса о дисциплине. Собрание присоединилось к моему мнению, и тогда левые с[оциалисты]-р[еволюционеры] сделали официальное заявление, что если решение будет не в их пользу, они подчиняться ему не могут и видят себя вынужденными покинуть собрание. Это было первое их официальное отмежевание от партии. И их уход обеспечил наверняка нашу победу. Дебаты, однако, все же разгорались постоянно и ораторы обменивались настолько резкими репликами, что председателей необходимо было менять несколько раз. Должен сознаться, что при этом, вероятно, особенно отличившимися оказались Чернов и я: он, потому что чувствовал, что его позиция проиграна, и пытался пускать в ход все демагогические приемы; я -- ибо был вконец взбешен этой продолжающейся политикой личных интересов и демагогических выходок. Товарищи после говорили, что оба мы производили впечатление разъярившихся петухов.

Поздно ночью заседание фракции кончилось нашей победой. К этому времени закончились заседания и других фракций, и общее заседание возобновилось. От большевиков выступил оратором Троцкий. Хриплым, злобным голосом он обвинял нас и наших сторонников в предательстве, в измене и т. д. В зале стоял невообразимый шум. Сторонники соскочили с мест, вступили в полемику с крайними левыми. Чтобы смутить наших партизан, большевики и левые эсеры ставили на голосование новые вопросы, например, вопрос об отношении демократии к смертной казни, вопрос о социализации земли, требовали голосования этих вопросов и постановки их в программу будущего правительства. Начиналась настоящая обструкция.

Рядом голосований мы отвергли самую постановку на голосование подобных вопросов, отвергли все поправки, которые должны были уничтожить самый смысл и жизненность соглашения, и, наконец, измученные, усталые в пятом часу ночи большинством приняли предложенное соглашение. И здесь Чернов -- на этот раз уже по решению фракции -- должен был воздержаться. Когда он заявил об этом, поднялся смех и крики: "Чернов, обычно, воздерживается". Какое-либо политическое значение этого человека [для] демократии вообще было потеряно. К сожалению, партия, живущая прошлыми воспоминаниями и представлениями, не сумела вовремя учесть это.

Казалось, наступила новая эпоха в истории русской революции. До сих пор слабость всех временных правительств заключалась в том, что не было легального органа, представлявшего все слои населения, который бы отражал, хотя бы и несовершенно волю страны и, контролируя правительство, в то же время мог служить ему социально-политической базой и опорой. В начале революции было два органа, возникшие самочинно, по соглашению между которыми было создано первое Временное правительство. С одной стороны, комитет государственной Думы, созданный из представителей всех партий под председательством Родзянко и олицетворявший цензовую Россию. С другой -- Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов под председательством Чхеидзе. Очень быстро комитет Государственной] думы утратил всякое реальное значение. На него перестали обращать внимание. Тогда как Совет депутатов вырос в большую силу, которая и диктовала правительству свои условия. Получался парадокс. Правительство было коалиционным. Но его демократическая часть имела поддержку и состояла под контролем Совета, а его буржуазная часть не имела за собой никакой организованной социальной силы, которая бы тоже проявляла публично и властно свою волю. Положение создавалось одностороннее, крайне ненормальное, ставившее самую коалицию в ненормальное положение. Своим постановлением об образовании представительного органа, составленного из представителей демократии и цензовых элементов, демократия сама по своему почину вызвала на открытую политическую арену буржуазные силы, создала общее учреждение, в котором могла бы вырабатываться и формулироваться общая воля нации, где бы путем парламентских дебатов... [определялась] общегосударственная политическая средняя, долженствовавшая лечь в основу политики коалиционного национального правительства. Государственно мыслящая демократия учла все значение такого сотрудничества и она сама, без какого-либо понуждения, помогла выявить лицо слабой политически российской буржуазии. Те, которые теперь так охотно обвиняют огульно не только большевиков, но всю демократию в антигосударственности и исключительном желании провести свою волю и нейтрализовать силы социализма, силы, которые тоже должны почитаться прогрессивными, не должны были бы забывать той колоссальной работы по организации буржуазии и помочь ей выявить политическое лицо, которую совершила именно российская демократия.

Итак, последнее коалиционное правительство было сорганизовано. Вместе с этим было создано и представительное законосовещательное учреждение под именем Временного Совета Республики.

Совет Республики должен был открыться в первых числах октября, т. к. необходимо было дать время составить списки членов Совета партии нар[одной] св[ободы], промышленникам и т. д., кроме того, необходимо было выработать положение о Совете. Пока же велись переговоры об организации президиума. Выяснилось, что относительно наибольшее количество мест в Совете Республики, или, как его называли, в Предпарламенте, будет иметь партия социалистов-революционеров.

Поэтому ей решено было предоставить в президиуме два места -- председателя Совета и секретаря его. Кадеты, [социал]-демократы меньшевики, народные социалисты и большевики должны были получить по одному месту товарища председателя, а промышленники получили место старшего помощника секретаря. Большевики заявили, что не будут выставлять своего кандидата и не примут участия в выборах. Пять остальных партий в Совете старейшин решили ограничиться 3-мя товарищами председателя и не замещать никакого другого места, предназначавшегося большевикам.

На пост председателя была выдвинута моя кандидатура и принята всеми партиями, конечно, кроме большевиков. Я должен был произнести речь после избрания и первый раз в жизни должен был дословно написать свою речь. Никогда столько забот не составляло мне ни одно мое выступление. Необходимо было удовлетворить всех. Совет должен был открыться в 3 часа дня. И уже с утра ко мне на квартиру стали являться "цензоры". Сначала приехали кадеты Аджемов¹³ и Винавер¹⁴. Я прочел им свою речь, они сделали поправки и замечания, и я принялся исправлять ее. Вслед за ними явились представители революционной демократии: Дан¹⁵, Гоц и др. То, что нравилось кадетам, вызывало критику [социал]-демократов и [социалистов]-революционеров и наоборот.

Наконец, после новых и новых разговоров и поправок речь была готова и должна была удовлетворить всех. В три часа в Мариинском дворце в зале бывшего царского Государственного совета в торжественной обстановке был открыт Временный Совет Республики. Открыл Совет своею речью Керенский, встреченный овацией. И затем передал председательствование старейшему -- бабушке русской революции Брешковской¹⁶. Под ее председательствованием происходили и заранее условленные выборы в Президиум.

День и по отзывам газет, и по самочувствию участников прошел торжественно. Все было налицо. И полные трибуны публики, и аплодисменты, и овации, и полная дипломатическая ложа, и все представители правительства. Но [действительно] настоящей большой веры в то, что начинается новое большое дело, не чувствовалось. Увы, было много советов, было много попыток, и невольно участниками великорусской трагедии овладевало сомнение.

И действительно, сомнение было не лишено оснований. Единое представительное учреждение и для демократии и для буржуазии было создано, а единства не получилось. Те противоречия, которые существовали раньше, увы, не сгладились. Больше того, многие старые и опытные политические деятели часто не умели подняться на высоту общенациональной задачи, забыть на время старые счеты, и они были вынесены снова на свет божий.

Это сказалось быстро. Уже первая речь Аджемова -- по общей политике -- была произнесена, по моему мнению, не в надлежащем тоне. Разумеется, слева на нее последовали соответствующие реплики и [град] взаимных шпилек и попреков установился сразу. Но с особенной рельефностью это сказалось во время дебатов по внешней политике.

Один раз только Совет почувствовал себя единым. Это случилось во время выступления Троцкого¹⁷. Он выступил с декларацией от имени большевиков, заявляющей об их уходе и объясняющей этот уход.

Мы знали, что предварительно среди большевиков были большие трения: часть более умеренных была против ухода, но прочие победили, и Троцкий был уполномочен прочесть декларацию.

Всегда актер, Троцкий -- представитель рабочих и беднейших крестьян -- явился в Совет в какой-то [рабочей] вязаной куртке (теперь, говорят, он гуляет в цилиндре и светлых гетрах). Каким-то хриплым, резким голосом, обрывая каждую фразу, стал он читать свою декларацию. В течение 10 минут собрание было вынуждено выслушивать одну клевету и брань за другую. Здесь были обвинения и в предательстве интересов свободы, здесь было и обвинение в том, что Временное правительство не хочет ни за что собрать Учредительное собрание (которое затем разогнали большевики). Словом, декларация, составленная для "галерки" не пропустила и не забыла ни одной инсинуации, ни одного демагогического выпада, чтобы произвести впечатление на свою публику, все время раздавались протесты и крики Троцкому [выйти] вон, требовали, чтобы я немедленно удалил его с трибуны, и мне стоило большого труда восстановить порядок и пригласить собрание во имя достоинства Совета встать выше инсинуаций и со спокойным пренебрежением выслушать всё, что хотят нам сказать эти люди, и молчанием ответить на их уход.

Я говорю: это единственный раз, когда все члены Совета -- и справа и слева -- объединились в едином чувстве негодования и глубокого возмущения.

Но это было на момент, а потом началось прежнее. Я упомянул, как о наиболее ярком в этом смысле моменте, о дебатах по иностранной политике. В то время как раз из России должна была отправиться делегация за границу для переговоров в лице министра иностранных дел Терещенко¹⁸ -- представителя правительства и демократа Скобелева¹⁹ (бывшего министра труда). Терещенко должен был изложить свою точку зрения на иностранную политику России. Он очень долго и усердно готовился к этой задаче. Это было его первое большое парламентское выступление. Волновался он чрезвычайно, перед выступлением нервными широкими шагами мерил мой председательский кабинет. Задача ему предстояла нелегкая. Удовлетворить своим выступлением и левых, и правых, постараться на иностранной политике объединить те два крыла общественности, которые, соединяемые в правительстве, были разъединены в стране.

Как всегда бывает в таких случаях, не удовлетворил он никого: ни правых, ни левых. И те, и другие выступили с критикой. Впрочем, выступили они с критикой не столько речи Терещенко и его политики, сколько друг друга. И это было самое характерное и самое печальное. Справа выступили Милюков²⁰ и Струве²¹, слева -- Дан и Чернов.

В этот раз я впервые слышал большую парламентскую речь Милюкова. Конечно, он старый парламентский боец, произнес он ее очень хорошо, спокойно, последовательно, с большим знанием предмета, местами с большим остроумием. Но, по моему глубокому впечатлению, это не была политическая речь большого политического деятеля широкого политического ума. С его точки зрения, а быть может, во многом и со всякой точки зрения, он говорил много верного. Но хорошо было бы то же слово, да не так бы молвлено. Вся речь была полна то мелких упреков, уколов, воспоминаний старых ошибок, старых счетов, высокомерного поучения Терещенко и левых, и только. Россия гибнет, требовалось -- особенно от такого преданного общественного деятеля, как Милюков, -- найти какое-то слово, которое объединило бы, вдохновило бы всех, нужно было так сказать это слово, чтобы вдруг все [спонтанно] почувствовали себя только русскими, только

гражданами гибнущей родины, знающими "одной лишь думы власть, одну, но трепетную страсть". Все знали, что Милюков хороший фехтовальщик, и фехтовал он, действительно, великолепно. Но было как-то до жалости больно, что все это так мелко и по-профессорски поучительно-скучно. Левые пошли по той же дороге. Дан вступил в полемику и развивал прежнюю программу демократии -- программу справедливого мира и интернационального сговора, нападал на Милюкова за те же стороны внешней политики, которые столько раз уже подвергались критике. А Чернов, задумав произнести большую парламентскую речь, был так скучен, неоригинален и длинен, что просто разогнал из зала сначала своих противников кадетов и цензовиков, которые органически не выносили его, а затем и своих сторонников, и, несмотря на все потуги на остроумие и пафос, кончил при пустом зале.

Так из этого большого дня, который должен был что-то дать России новое и объединяющее, вышли обычные мелкие парламентские споры и пререкания, да скучные повторения до тошноты надоевших всем общих мест. И еще раз почувствовалось, что правые остаются направо со всем накопленным за время революции раздражением, а левые -- слева с их утверждением своих взглядов и чаяний. Ангел не сошел и не возмутил воды в [смертной] купели, а больная Россия тщетно ждала этого момента.

Работа в комиссиях налаживалась лучше, но только налаживалась и положительных результатов не дала и дать не могла.

Особенно ярко эта разобщенность демократических и цензовых элементов сказалась в самый критический момент -- перед большевистским переворотом -- особенно остро и трагически. Русской государственной общественности надо было, очевидно, пройти через последние испытания, чтобы понять, почувствовать и пережить необходимость объединения .

Было 24-е октября 1917 года. Временное правительство уже несколько последних дней получало самые беспокойные известия о настроении Петроградского гарнизона и рабочего населения. Было известно, что большевики что-то готовят. Временное правительство со своей стороны принимало меры, но сил было мало, а войска, вызванные с фронта, не прибывали. 23-го октября Керенский известил меня, что 24-го он хочет выступить в Совете Республики, выяснить всю тяжесть положения, заявить, что лишь самые решительные меры против большевиков могут, быть может, если не поздно, спасти положение, и потребовать от Совета безоговорочного вотума доверия и поддержки политики правительства.

24-го все депутаты были на заседании, ложа журналистов и публики была переполнена. Предстоял большой парламентский день. Керенский выступил чрезвычайно удачно. Он говорил [смело] и искренне. Он предупреждал, что ждать далее нельзя, что наступил последний, двенадцатый час, когда необходимо действовать решительно и быстро, он потребовал поддержки.

Речь его была встречена всеми с большим сочувствием, с большим подъемом. Ораторы, высказывавшиеся после него, говорили о необходимости поддержать правительство. Казалось, что формула перехода будет найдена легко и просто, без замедления, чтобы показать единодушие всех и решимость отстаивать существующий порядок. Но, увы, это лишь казалось. Для выработки формулы был объявлен перерыв на час. Потом его пришлось увеличить на 2 часа, потом на три, потом на четыре, и заседание едва кончилось к ночи.

И в течение всего этого времени шли бесконечные дебаты, переговоры, соглашения и расхождения, новые переговоры и новые соглашения. И я должен признать, что не цензовые элементы оказались здесь не на высоте, а именно демократия. К[а]д[еты] и другие буржуазные партии вместе с некоторыми присоединившимися к ним представителями самоуправлений, кооперативов и

народносоц[иалистической] партии выработали краткую формулу, которая просто и недвусмысленно констатировала положение и заявляла о своей полной поддержке правительства. Эта формула была предложена остальным представителям демократии. И встретила возражения. И возражения характерные.

Они показывают липший раз, как много дани отдавали деятели революции словесности, какое большое значение придавали ей и как часто думали, что словом можно заменить дело.

Представители с[оциал]-д[емократии] и с[оциалисты]-революционеры] были вполне за формулу поддержки, но они полагали, что этого недостаточно, что необходимо иметь в виду влияние большевиков и те пункты, на которых они особенно удачно играют, агитируя в массах, включить в формулу и обусловить свою поддержку выполнением со стороны правительства этих пунктов. Этими пунктами были, конечно, мир и решительные шаги правительства в этом направлении и решение аграрного вопроса в духе социалистической демократии.

Нет спора, конечно, что и тот и другой пункты были весьма важны и значительны. Но включение их в формулу доверия, как условие, делало и саму формулу неясной, нерешительной, делало поддержку условной, напоминавшей старое "постольку -- поскольку" (так Советы поддерживали Временное правительство первого состава). А главное делало вотум Совета не единым, т. к. в формулу вводились такие положения, которые не могли разделять ни кадеты, ни другие представители буржуазии в той формулировке, которая им предлагалась.

Я как председатель взял на себя неблагодарную задачу как-либо примирить, свести к одному все формулы. Всё было напрасно. С[оциал]-д[емократы] меньшевики заявили, что включение вышеназванных пунктов в формулу для них [обязательно], а с[оциалисты]-р[еволюционеры] шли за ними в этом случае. Напрасно я и кооператоры, и н[ародные] с[оциалис]ты, и даже кадеты убеждали не осложнять дела, принять краткую формулу, которая так нужна для моральной и политической твердости правительства. Напрасно обращали внимание на всю грозность положения.

Стороны оставались на своих позициях. И я вынужден был начать заседание, не достигнув ничего. На голосование были поставлены обе формулы. Совет при голосовании разделился почти пополам, и лишь несколькими голосами прошла формула условного доверия -- формула с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов]. Этим голосованием Совет окончательно доказал свое бессилие: ни единства, ни способности в критический момент активно и категорически стать на сторону правительства.

ЦГОА, ф. 1346, оп. 1, д. 17.

Примечания к тексту Авксентьев

¹ Чхеидзе Н. С. (1864--1926) -- один из лидеров меньшевизма. В период Февральской

революции 1917 г. -- член Временного комитета Государственной думы, председатель

Петроградского Совета Государственной думы, председатель Петроградского Совета рабочих и

солдатских депутатов, председатель ЦИК/первого созыва.

² Гоц А. Р. (1882--1940) -- один из лидеров партии эсеров. После Февральской революции -- член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, затем был товарищем председателя ВЦИК.

³ Церетели И. Г. (1882--1959) -- один из лидеров меньшевизма. В мае 1917 г. вошел в состав

Временного правительства в качестве министра почт и телеграфов, затем -- министр внутренних дел; в 1921 г. эмигрировал.

⁴ Руднев В. А. (1874--1939) -- в 1917 г. -- меньшевик-интернационалист, один из редакторов

меньшевистской газеты "Новая жизнь".

⁵ Чернов В. М. (1876--1952) -- один из лидеров и теоретиков партии эсеров, после Февральской революции -- министр земледелия Временного правительства.

⁶ Имеется в виду контрреволюционный мятеж в августе 1917 г., который возглавил верховный главнокомандующий русской армии генерал Л. Г. Корнилов.

⁷ Керенский А. Ф. (1881--1970) -- трудовик, эсер, после Февральской революции -- министр

юстиции, военный и морской министр, с июля 1917 г. -- министр-председатель Временного

правительства и верховный главнокомандующий.

⁸ Всероссийское демократическое совещание было созвано ЦИК Советов для решения вопроса

о власти, состоялось 1--9 (14--22) сентября 1917 г. в Петрограде.

Демократическое совещание

приняло постановление об организации предпарламента (Временного совета республики). По

положению, утвержденному Временным правительством, предпарламент являлся совещательным органом при правительстве.

⁹ Беркенгейм А. М. (1880--1932) -- эсер, после Февральской революции -- председатель

Московского продовольственного комитета.

¹⁰ Ефремов И. Н. (р. 1866--?) -- лидер думской фракции партии прогрессистов, после Февральской революции -- член Временного комитета Государственной думы, входил в состав

Временного правительства.

¹¹ Кишкин Н. М. (1864--1930) -- один из лидеров партии кадетов, министр государственного призрения в последнем составе правительства. Накануне Октябрьской революции был назначен "диктатором" Петрограда.

¹² Коновалов А. И. (1875--1948) -- фабrikант, один из лидеров партии прогрессистов. В

1915--1916 гг. -- заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета. В

1917 г. -- министр торговли и промышленности в первом составе Временного правительства

(март -- май) и заместитель А. Ф. Керенского и министр торговли и промышленности в

последнем кабинете (сентябрь -- октябрь); эмигрировал.

¹³ Аджемов М. С. (р. 1878--?) -- кадет, член комиссии Государственной думы по судебным

реформам, бюджетной и других. В 1917 г. -- член ЦК партии кадетов, кандидат в члены

Учредительного собрания.

¹⁴ Винавер М. М. (1863--1926) -- один из основателей партии кадетов, в течение ряда лет член ее ЦК.

¹⁵ Дан Ф. И. (1871--1947) -- один из лидеров меньшевиков, после Февральской революции -- член Исполкома Петроградского Совета, член Президиума ЦИК первого созыва.

¹⁶ Брешко-Брешковская Е. К. (1844--1934) -- один из организаторов и руководителей партии эсеров, после Февральской революции поддерживала Временное правительство.

¹⁷ Троцкий Л. Д. (1879--1940) -- меньшевик, по возвращении после Февральской революции из эмиграции принят в большевистскую партию и избран членом ЦК.

¹⁸ Терещенко М. И. (1888--1956) -- сахарозаводчик, после Февральской революции --

министр финансов Временного правительства, а затем -- министр иностранных дел.

¹⁹ Скобелев М. И. (1885--1939) -- социал-демократ, меньшевик, после Февральской

революции -- заместитель председателя Петроградского Совета, заместитель председателя ЦИК первого созыва; с мая по август 1917 г. -- министр труда Временного правительства.

²⁰ Милюков П. Н. (1859--1943) -- лидер партии кадетов, историк и публицист, после

Февральской революции -- министр иностранных дел в первом составе Временного правительства.

²¹ Струве П. Б. (1870--1944) -- экономист и публицист, член ЦК кадетской партии.

Послесловие

Ценность публикуемых воспоминаний Н. Авксентьева, на мой взгляд, состоит прежде всего в том, что они дают возможность взглянуть на события 1917 г. свободно, без истматовских предписаний относительно неизбежности победы большевиков.

Авксентьев объективен. Потерпев политическое поражение, он не стремится объяснить его коварством, нечестностью, злодейством победителей или игрой неблагоприятных обстоятельств и случайностей. За спинами большевиков он хорошо различал более или менее значительную массу рабочих и солдат, чьи настроения, по его словам, были пропитаны "психологией большевизма". Более того, он хорошо сознавал опасности движения этой массы, "слишком мало воспитанной в свободной морали и политике, не задумывающейся над тем, что из этого выйдет для будущего, для грядущих поколений".

И вот здесь возникает, в сущности, главная проблема 1917 г. Если Авксентьев и другие демократические и либеральные лидеры видели, что триумф левого экстремизма, триумф большевиков, укреплявшихся в Советах, приведет к общественному развалу, разгулу насилия и к гражданской войне, что же помешало им предотвратить такой исход? В своих воспоминаниях Авксентьев рассматривает лишь конечный этап победного продвижения большевиков к власти, этап, связанный с деятельностью Демократического совещания и созданного им Предпарламента (сентябрь--октябрь 1917 г.). Но этому этапу предшествовал длительный (конечно, по меркам стремительно менявшихся событий 1917 г.) период, во многом обусловивший то, о чем пишет Авксентьев.

Истоки -- в том, что произошло в Петрограде в конце февраля. Умозрительно можно, конечно, протянуть "ниточку" к случившемуся еще от 1905 г., а то и раньше, видя во всем этом некий единый революционный процесс. Однако конкретный разбор конкретных событий вполне способен поставить под сомнение такой "методологический подход". Он, как представляется, базируется на истматовской же посылке, сформулированной Лениным, посылке, согласно которой главный вопрос резолюции -- вопрос о власти. Но так ли это? Власть -- предмет вожделения политических партий, групп и поддерживающих их политизированных меньшинств, действительно борющихся за нее. Большинство же, так называемое "молчаливое большинство", не заинтересовано и не может быть заинтересовано в длительности такой борьбы.

Противоречит она и интересам государства, если, конечно, понимать его не как средство насилия одних классов над другими, а как необходимый регулятор общественного развития. Постоянная цель нормальных общества и государства -- социальная стабильность.

Те партии и их лидеры, которые в результате революционных переворотов оказываются у власти, сразу же начинают действовать для достижения именно этой цели. Однако они неизбежно сталкиваются с огромными трудностями. Переворот вызывает мощные социальные потрясения, вовлекая в политическую жизнь даже самые низшие слои, стремящиеся к "удовлетворению аппетита сегодняшнего дня". Немедленно появляются и поднимают головы те политические элементы, которые без колебаний готовы использовать их для завоевания власти. Так возникает и разворачивается борьба двух тенденций: с одной стороны, ее ведут умеренные социально-политические силы, стремящиеся затормозить разрушительный революционный процесс, с другой -- радикальные, в том числе экстремистские силы, цель которых продолжить и "углубить" революцию.

Основным политическим орудием для первых становится идея коалиции, способная соединить, сплотить те политические группы, которые так или иначе руководствуются общенациональными и общегосударственными интересами. Естественно, что вторые не заинтересованы в создании такой коалиции и прилагают все силы для ее подрыва и разрушения.

Против либеральных партий, выражавших интересы так называемых цензовых (буржуазных, зажиточных) слоев общества наша старая историография выпустила немало острых, даже ядовитых стрел, обвиняя их в политической беспомощности и бессилии. Как обычно, и в данном случае она проявляла бесцеремонное упрощение и неоправданную категоричность.

Беспристрастный же анализ показывает, что либеральные партии, чьи представители вошли в состав первого Временного правительства (сформированного 2 марта) оказались способными на весьма радикальный для себя политический шаг. Когда в конце апреля разразился правительственный кризис, вызванный просчетами министра иностранных дел, кадета П. Н. Милюкова и резко обостривший политическую ситуацию в Петрограде, они, поступившиесь частью своей власти, согласились на ввод в правительство представителей социалистических партий, революционной демократии. Конечно, в этом был определенный политический расчет, но он диктовался и общенациональным интересом, стремлением укрепить социальную стабильность и государственные основы путем объединения, как тогда говорили, всех государственно-мыслящих сил. Либерально-демократическая (социалистическая) коалиция плохо ли, хорошо ли, но удерживала общество в относительном (по меркам длившейся войны и постреволюционного состояния страны) равновесии, не давая ему "сорваться" в пучину гражданской войны. Тем не менее деструктивный процесс революционирования развивался. Он вызывался тяготами продолжавшейся

войны, углублением экономического кризиса и в большой степени провоцировался экстремистской пропагандой. Все более значительные "низовые" слои втягивались в них. В нашей историографии он получил название "большевизации масс".

Не веря в возможности либерально-социалистической коалиции, страшась дальнейшей революционной анархии, правые силы, ядро которых составляли военные верхи, попытались понятным и доступным им средством -- силой -- остановить разрушительные тенденции.

Ими была предпринята попытка военного переворота, возглавленного генералом Л. Г. Корниловым. Его целью была ликвидация большевистской партии, разгон Советов и других демократических организаций, полная реорганизация Временного правительства или установление военной диктатуры. Однако быстрый и сокрушительный провал переворота привел к прямо противоположным результатам, чем те, на которые переворотчики делали ставку. Пожалуй, важнейшими из этих последствий стали нарастающий развал армии, дальнейшая радикализация солдатских и части рабочих масс, ухудшение общего экономического положения, новый, может быть, самый глубокий кризис власти. Он выразился, в частности, в том, что заподозренная в содействии корниловскому путчу партия кадетов, представители которой составляли правую часть либерально-социалистической коалиции, оказалась скомпрометированной в глазах радикализующихся, экстремистски, пробольшевистски настроенных масс и вынуждена была если не покинуть политическую арену, то на время отойти в глубь ее. В развитии революционных событий 1917 г. наступил критический момент.

Социалистические партии, представлявшие революционную демократию, были поставлены перед непосредственной перспективой прихода власти вне коалиции с кадетами и другими либеральными партиями. Образно говоря, для российских социалистов настал момент, когда они должны были надеть шапку Мономаха, стать партиями, не только представляющими интересы тех или иных классов, а и общества в целом, стать государственными партиями. С этой точки зрения Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.), о котором подробно рассказывает Н. Авксентьев, явилось для них своего рода политическим экзаменом, который они держали перед всей Россией, захлестываемой революционными волнами. И надо признать: этот трудный экзамен они не выдержали. В ответственнейший для страны момент они не сумели, как бы сейчас сказали, поступиться своими идеальными принципами, преодолеть или отодвинуть свои политические разногласия, отказаться от партийных амбиций. Не смогли или не захотели -- это теперь не так уж и важно. Главное -- не сумели. Авксентьев справедливо возлагает основную ответственность за это на большевиков, на их непримиримость, их нежелание соглашений с другими социалистическими партиями. Он вообще считает, что на Демократическом совещании выявилось два течения: сторонники продолжения коалиции с буржуазно-либеральными партиями, с кадетами и сторонники разрыва этой коалиции и передачи всей власти Советами (т. е. большевики). Среднюю, промежуточную группу он называет небольшой, а главное -- не дававшей никакого решения и "только мешавшей делу". Он связывает деятельность этой группы с В. Черновым -- своим левым оппонентом в эсеровской партии. Однако, на мой взгляд, здесь в воспоминаниях Авксентьева имеется преднамеренное умолчание. Промежуточная, центристская группа на Демократическом совещании олицетворялась не столько В. Черновым, сколько левым меньшевиком Ю. Мартовым. И его позиция, по крайней мере, сегодня представляется вполне конструктивной. Мартов выдвигал идею создания однородно социалистического правительства (без кадетов), но опирающегося не только на Советы (как этого хотели большевики), но и на другие демократические

организации: профсоюзы, фабзавкомы, местные самоуправления, кооперативы, армейские организации и др.

Еще на Государственном совещании (14/27 августа 1917 г.) меньшевик Н. Чхеидзе от имени этих организаций и групп предложил программу буржуазно-демократического развития страны с включением в нее важнейших элементов защиты интересов широких масс населения. На Государственном совещании она не получила поддержки. Но тогда, еще до "корниловщины", правые и крайне-правые были еще очень сильны, консолидировали свои силы. Теперь же, после провала корниловского путча, они были деморализованы и демократически настроенные круги буржуазии проявляли готовность к принятию августовской программы революционной демократии, пусть с некоторыми поправками. Это подтверждается ходом переговоров о создании нового коалиционного правительства в 20-х числах сентября. Во всяком случае однородно социалистическое правительство с "программой 14 августа" могло стать фактором сплочения более или менее широких демократических сил, звеном создания национального сплочения на новой основе. Но центристская позиция Ю. Мартова не получила поддержки ни слева (со стороны большевиков), ни справа (со стороны правых меньшевиков и эсеров). Большеевики, направляемые Лениным и Троцким, стремились к переходу всей власти к Советам, рассчитывая, что в самом ближайшем будущем они окажутся там в подавляющем большинстве. Правые меньшевики и эсеры не верили в коалиционные способности большевиков, просто боялись их и потому по-прежнему искали себе союзников справа. К тому же "корниловский шок", поначалу, казалось, подвинувший их на разрыв с кадетами и даже поиск соглашения с большевиками, прошел. Погрязнув в бесконечных прениях и запутавшись в многочисленных голосованиях, Демократическое совещание и созданный им Предпарламент, не нашел ничего лучшего, чем продолжить тот политический курс, который обанкротился в результате "корниловского удара": была возобновлена коалиция с кадетами.

Третье коалиционное, кадетско-социалистическое правительство (без большевиков) по-прежнему возглавил А. Керенский. Власть пошла по кругу, вместо того, чтобы сделать решительный шаг влево, как это предлагал, в частности, Ю. Мартов и его сторонники. Она, видимо, рассчитывала как-то "дотянуть" до Учредительного собрания. Но это оказалось просчетом. В непрерывно ухудшавшейся обстановке, в условиях роста социальной напряженности, имея перед собой такого сильного политического противника, как большевики, блестяще использовавших весь набор популистских методов, власть своим топтанием на месте, в сущности, сама мостила им путь. Они получали хорошую основу для пропаганды, доказывавшей, что только они способны защитить интересы "низов". А решительности и даже авантюризма их лидерам было не занимать.

Авксентьев прав в своем заключительном выводе. Вместо того, чтобы дать России "что-то новое и объединяющее", получились "скучные повторения до тошноты надоевших всем общих мест. И еще раз почувствовать, что правые остаются направо со всем накопленным за время революции раздражением, а левые -- слева с их утверждением своих взглядов и чаяний. Ангел не сошел и не возмутил воды в смертной купели, а больная Россия тщетно ждала этого момента". Революционно-демократическим, социалистическим партиям 17-го года не хватило государственности, патриотизма; это считалось собственностью правых. А они, в свою очередь, были лишены демократизма; он рассматривался как удел левых. Такое "разделение" было особенностью России не только 1917 г. Но в 1917 г. политическо-партийная дьяволиада закончилась народной трагедией.

Г. З. Иоффе

*Николай Авксентьев. Большевистский переворот. Составитель Васильева Т. А.
Послесловие Иоффе Г. З. - Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. -
М.: Наука, 1992. - N 5. 1992 г.*